

ПОЛИКАРПОВ Н. И. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ПОЛИКАРПОВ Николай (Митрофан) Иванович, родился в 1871 в селе Источное Нижнедевицкий уезда Воронежской губ. В 1885 — окончил Воронежское духовное училище, в 1891 — духовную семинарию. Служил учителем в подготовительном классе духовного училища; с августа 1895 — надзиратель в Воронежской семинарии; с 1900 — член-секретарь епархиального училищного совета, преподавал также Закон Божий в женском училище и в пансионе в Воронеже. Занимался исследованием жизни и деятельности первого Воронежского епископа — Святителя Митрофана; опубликовал много статей о нем; был активным сотрудником Воронежской ученой архивной комиссии и Церковного историко-археологического музея. В 1915 — после гибели сына развелся с женой. В 1919 — окончил Киевскую духовную академию со степенью кандидата богословия. Проживал в Киеве, работал конторщиком в сыпнотифозной больнице, затем преподавал в лесной гимназии и трудовой школе. 16 марта 1922 — пострижен в монашество с именем Митрофан; посвящен в иеромонаха, служил в Лавре, состоял также научным сотрудником Всеукраинской Академии наук. 7 октября 1923 — в Москве посвящен в епископа Бутурлиновского, викария Воронежской епархией. 1 февраля 1924 — приехал в Воронеж; в середине февраля по доносу обновленцев с него была взята подписка о невыезде, затем под угрозой ареста предложено уехать из Воронежа. 13 марта 1924 — представил в ОГПУ заявление о том, что долг перед Господом не дает ему возможности оставить паству¹. 22 марта 1924 — арестован, приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Бугульму Самарской области. 20 января 1925 — назначен епископом Бугульминским, викарием Самарской епархии. Некоторый период временно управлял Казанской епархией. В ноябре 1925 — вновь арестован, заключен в Бутырскую тюрьму. Освобожден под подписку о невыезде из Москвы. 19 июня 1925 — приговорен к 3 годам ссылки в Оренбургскую область и отправлен в Актюбинск, в апреле 1926 — переведен в Челкар Киргизского края, в феврале 1927 — в Ходжейли Каракалпакской области. В марте 1928 — освобожден из ссылки с ограничением проживания на 3 года (-7). В августе 1928 — обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<22 августа 1928>

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

15-го июня я послал Вам телеграмму с просьбою посодействовать в ОГПУ скорейшему от<п>уску меня отсюда и в виду развивающегося болезненного состояния, и в виду объявленной мне амнистии (досрочного освобождения с правом свободного проживания на всей территории СССР), а затем и последовавшего в июне истечения срока 3-х летней ссылки. Посылаю обещанную в том письме врачебную справку о моей болезни.

Обстоятельства моего "дела" таковы. 22 марта 1924 г<ода> я был арестован и заключен в ар<естанском> доме при Воронежском Губ<ернском> отд<елении> ОГПУ. В мае переведен в Москву, заключен в Бутырскую тюрьму, где пробыл до 24 августа 1924 г<ода> (5 месяцев и 2 дня). Затем я проживал в течение ок<оло> 10 месяцев в Москве без права выезда из этого города.

19 июня 1925 года по постановлению Особой Коллегии ОГПУ я был в административном порядке сослан в порядке 69 ст<атьи> Уг<оловного>

¹ Википедия. ru.wikipedia.org/wiki/Митрофан_(Поликарпов)...

Код<екса> на три года в Казахстан, где и проживал сначала в г<ороде> Актюбинске (7 месяцев), затем 1 год в городе Челкаре и затем в феврале 1927 года сильно больной отправлен по этапу в город Ходжейли Каракалпакской области, Казахстана.

В год моей ссылки (1925) состоялось распоряжение Правительства об обязательном зачете предварительного тюремного заключения в срок ссылки. Таким образом, срок моей ссылки оканчивался в половине января 1928 года.

Осенью, в ноябре 1927 года я обратился к Уполномоченному ОГПУ по Ходжейлейскому округу Кузнецов<у> с просьбой навести по имеющимся в канцелярии ОГПУ сборникам распоряжений Правительства справку об этом распоряжении на предмет возбуждения ходатайства о моем освобождении в январе месяце.

Мне было приказано подать письменное заявление об этой справке для направления через г<ород> Турт-Куль (центр Каракалпакской области) и Кызыл-Орду (центр Казахстана) в Московское ОГПУ.

Я поспасался прибегнуть к этому способу получения справки и решил ожидать решения дела в обычном порядке.

11 марта 1928 года мне было объявлено постановление Коллегии ОГПУ, коим мне "по истечении срока ссылки запрещается проживание в городах Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Одессе, Ростове и Воронеже" (минус семь) на три года.

Я напомнил тов<арищу> Кузнецову о постановлении Правительства 1925 года об обязательном зачете предварительного заключения и о том, что, значит, срок моей ссылки окончился.

Уполномоченный ОГПУ ответил мне, что в бумаге (постановлении Коллегии) ничего не говорится о моем освобождении теперь же, а постановление Правительства 1925 года об обязательном зачислении предварительного заключения ему неизвестно, и что таким образом это постановление есть только предупреждение меня и здешнего отдела ОГПУ о том, что, когда мне истечет 6 июня 1928 года трехлетний срок ссылки, то тогда мне запрещается проживание в этих 7 городах и губерниях на три года и об этом должно быть оговорено в имеющейся тогда мне быть выданной из ОГПУ бумаге об освобождении.

Затем 15 апреля мне было словесно сказано, во время ареста ссыльных духовных в церкви по окончании Пасхального богослужения, что обо мне и другом епископе Кедрове прислана бумага о досрочном освобождении с правом свободного проживания по всей территории СССР, но, в виду устройства нами незаконного без разрешения ОГПУ богослужения, на котором присутствовали 4 посторонних верующих из местных жителей, мы лишаемся этого права и будем оставлены здесь или направлены в другое место на повторный срок.

Через месяц Кедрову была выдана бумага об освобождении, и он уехал. А я оставлен здесь, в виду того, что в новом постановлении о полном и даже досрочном освобождении моем ничего не сказано об отмене прежнего постановления о "минус семи", и что вследствие этого через Турт-Кульское Окружное Отделение ОГПУ сделан запрос о том, какую мне выдать бумагу: о полном ли освобождении с правом свободного проживания по всей территории СССР.

Запрос об этом, по-видимому, был сделан в 20-х числах апреля.

И вот успел уже истечь и новый 3-летний срок моей ссылки, а я все остаюсь в губительном для моего сердца здешнем жарком климате.

По моей усиленной просьбе, после истечения срока, новый уполномоченный ОГПУ тов<арищ> Заводовский согласился послать в Турт-Кульское Управление ОГПУ телеграфный запрос о том, нельзя ли мне выдать документы об освобождении на месте в виду истечения срока

ссылки. Получен был ответ: "задержать выдачу документов впредь до особого распоряжения".

Считаю нужным объяснить, что летом прошлого года наша "староцерковническая" партия, возглавляемая митрополитом Сергием была легализована правительством, и с того времени все новые назначения на епископские кафедры делаются митрополитом Сергием не иначе, как только по получении согласия ОГПУ на назначение того или другого кандидата в тот или другой город, и что им осенью 1927 года испрошена была у ОГПУ амнистия для 28 епископов, в том числе и для меня. Вот поэтому-то я, по постановлению Коллегии ОГПУ, кажется, от 27 февраля 1928 года (точно не знаю, так как бумаги этой мне не дали прочитать и не взята была с меня подписка об объявлении её мне: эта подписка была взята только с Кедрова, хотя постановление было о двух) и был досрочно освобожден с правом свободного проживания по всей территории СССР.

И вот почему я получил сегодня указ Митрополита Сергия от 25 июня 1928 года за № 1481 с сообщением постановления митрополита и состоящего при нем Патриаршего Священного Синода от 20 июня 1928 года за № 126 о командировании меня для управления Воткинским викариатством Сарапульской епархии (на Урале, в пределах бывшей Пермской епархии). Этот факт с несомненностью свидетельствует о том, что Московским ОГПУ, еще в феврале амнистировавшим меня, дано согласие не только на мой выезд из места ссылки, но и назначении на епископскую должность (кафедру).

А между тем я все еще томлюсь здесь, буквально томлюсь. Так как 55-60 градусные морозы губительны для пораженного миокардитом сердца. Врачи два раза предупреждали меня о возможности неожиданной смерти, если я останусь здесь и не перееду в более умеренный климат. Назначено лечение сначала камфорой, а потом дигиталисом, а Вы знаете, что это сильно на сердце действующие средства, назначаемые врачами в самых крайних случаях.

Выражение медицины удостоверяет: "Состояние здоровья угрожающее" само говорит за себя.

Я много слышал о Вашей доброте и заботе о нас, бедных заключенных и ссыльных, и перед отъездом в ссылку 2 или 3 раза был у Вас и убедился в том, что это так.

Плохо пишу оттого, что ноги и руки вследствие сердечного расстройства плохо слушаются меня, в каковой моей невольной вине и прошу простить меня.

Умоляю Вас помочь мне выяснением в ГПУ положения моего дела и возможном ускорении моего освобождения из ссылки.

Заранее искренне благодарный Вам
Епископ Митрофан Бутурлиновский Воронежской епархии
(в мире Николай Иванович Поликарпов)

Адрес для письма воздушной почтой:

Ст<анция> Чарджуй Средне-Азиатской ж<елезной> д<ороги>

Авио в г<ород> Ташауз, г<ород> Ходжейли

Ник<олаю> И<вановичу> Поликарпову

На ответ прилагаю марки.

+ Николай Иванович Поликарпов»².

В сентябре 1928 — епископ Митрофан (Поликарпов) приехал в Москву и обосновался в Даниловом монастыре. В 1931 — назначен на Бакинско-Прикаспийскую кафедру с пребыванием в Баку: известен был

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 280. С. 104-107. Автограф.

как прекрасный проповедник; пользовался большим почитанием у верующих. 29 января 1933 — за произнесение слова в память императора Петра I и поминовение его имени на панихиде был арестован и обвинен «в контрреволюционной деятельности». 7 мая 1933 — приговорен к 3 годам заключения в местной тюрьме. 23 января 1934 — освобожден с условием выезда за пределы Азербайджана; где он после этого находился, неизвестно. 16 декабря 1934 — скончался и был похоронен на бакинском городском кладбище в Чемберекенде³.

³ Википедия. [ru.wikipedia.org/wiki/Митрофан_\(Поликарпов\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Митрофан_(Поликарпов))...